

В.В. ПЕНСКОЙ

ОТЗЫВ НА МОНОГРАФИЮ А.Н. ЛОБИНА «БИТВА ПОД ОРШЕЙ»*

Наступивший 2014 г. в отечественной военной истории раннего нового времени памятен двумя важнейшими событиями. Первое из них — взятие русскими войсками Смоленска, предмета давнего, еще с начала XV в., спора между Москвой и Вильно. И второе, самым теснейшим образом с ним связанное — поражение русских от соединенного польско-литовского войска на Днепре, под Оршей. Эти события стали если не ключевыми, то, во всяком случае, одними из важнейших в ходе очередной русско-литовской войны 1512—1522 гг. Естественно, мимо них не могли пройти как отечественные, так и зарубежные исследователи. Не вдаваясь из-за ограниченного объема статьи в подробности, отметим, что среди русских историков наиболее подробное и полное описание кампании 1514 г. принадлежит Е.И. Кашпровскому¹, из современных исследователей отметим прежде всего А.А. Зими́на, М.М. Кро́ма и В.А. Волкова². Правда, во всех этих работах, взятие Смоленска, Оршанская битва и в целом кампания того года рассматриваются на общем фоне русско-литовской войны, почему их описание, как правило, имеет обзорный характер, без попыток глубокого анализа, тем более с точки зрения истории военного дела.

Такое обстоятельство имеет целый ряд причин как объективного, так и субъективного характера, которые могут стать предметом специального изучения. В итоге же в отечественной и зарубежной историографии прочно закрепилась определенная традиция описания кампании 1514 г., основы

---

* [Лобин А.Н. Битва под Оршей 8 сентября 1514 года. К 500-летию сражения. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2011. – 264 с., илл., табл.](#)

которой были заложены еще в XIX в., а корни, в свою очередь, уходят еще в XVI в. И традиция эта, сложившаяся с использованием в первую очередь нарративных источников, современных тем давним событиям, изначально оказалась изрядно мифологизирована, в особенности в той ее части, которая имеет отношение к битве под Оршей. Между тем за прошедшие сто с лишним лет историческая наука шагнула далеко вперед и в области методологии, и в области источниковедения. Расширение круга источников, вкупе с применением новых методов их анализа, позволяют пересмотреть многие устоявшиеся и казавшиеся долгое время незыблемыми оценки. Именно в таком ключе написана рецензируемая работа, автором которой является А.Н. Лобин, представитель новой школы российских историков военного дела.

«Битва под Оршей» — исследование, посвященное одному сражению и, к сожалению, имеющее немного аналогов в современной отечественной историографии. Этого не скажешь об историографии зарубежной, где подобного рода работы появляются с завидной регулярностью, на любой, даже самый взыскательный вкус, сугубо академические и научно-популярные. Здесь же мы имеем дело с работой, тяготеющей к академическому жанру, со всеми свойственными ему атрибутами. Вместе с тем несомненным достоинством книги А.Н. Лобина является не только хороший язык и легкая, удобочитаемая манера изложения материала, но также грамотно и, не побоимся этого слова, — со вкусом подобранный иллюстративный ряд. Это сближает «Битву под Оршей» с зарубежными научно-популярными изданиями, например известной серией «Campaign» британского издательства «Osprey» или «Historyczne bitwy» от польского издательства «Bellona».

Однако не в стиле, языке и иллюстрациях главные плюсы рецензируемой работы. Автор подошел к изучаемому событию со всей серьезностью и не стал ограничиваться простой компиляцией уже известных сведений о сражении. Нет, он поставил перед собой иную задачу — сопоставив и проанализировав

максимально возможное количество доступных источников, по-новому осветить ряд вопросов, связанных с этим сражением (С. 19). Чтобы решить ее, А.Н. Лобин, со свойственной ему скрупулезностью и дотошностью, проанализировал историографию вопроса. При этом исследователь отметил, что «несмотря на то, что историки много раз обращались к Оршанскому сражению, практически никто из них не исследовал кампанию 1514 г. во всех ее аспектах: вооружение и численность сторон, диспозиция на поле боя, ход битвы и ее политическое значение». Завершая свою мысль, А.Н. Лобин совершенно справедливо подчеркнул, что в итоге «получается странная ситуация: с одной стороны, бой под Оршей 1514 г. некоторые считают «крупнейшей битвой XVI столетия», но, с другой стороны, не существует труда, в котором бы взвешенно, с использованием современных методов исторических исследований проводился анализ одного из главных событий этой кампании». Вместо этого, продолжает учёный, «пропагандистские штампы преподносятся как достоверные сведения и кочуют из работы в работу», а «идеологические баталии» вокруг Оршанской битвы и вызванные ими «метания из крайности в крайность» «только служат во вред исторической науке, призванной изучать прошлое с опорой на принципы историзма» (С. 8—9). Нетрудно, кстати, заметить, что эта мысль автора монографии в полной мере справедлива применительно практически к любому, если не ко всем, более или менее крупным сражениям и тем более кампаниям русских ратей в XVI—XVII вв.

Однако вернемся к книге. Отметив совершенно неудовлетворительное состояние изученности истории Оршанской битвы, А.Н. Лобин обратился к характеристике источниковой базы исследования. «Отказаться от историографических догм и аксиом и исследовать Оршу 1514 «с чистого листа» — такова задача настоящей работы». Для этого «необходимо не только пересмотреть все известные источники, но и проанализировать документы,

ранее мало привлекавшие внимание историков» (С.11—12). Исследователь приложил немалые усилия к тому, чтобы расширить круг источников. Традиционно к описанию Оршанской битвы привлекались материалы русского и польско-литовского происхождения. Понятно, что отечественные авторы ориентировались преимущественно на использование русских материалов, тогда как польские — на собственные. А.Н. Лобин не стал ограничиваться этими уже хорошо известными источниками — хроники, летописи, исторические сочинения, разрядные записи, дипломатическая переписка и так далее, — но постарался привлечь также и иные материалы, прежде всего орденские и западноевропейские. Стоит отметить, что это направление поиска, как показывают последние публикации, к примеру, А.И. Филюшкина³, весьма многообещающе с точки зрения открытия новых документов, способных пролить свет на историю Русского государства в XVI в. Что же получилось в итоге? Сумел ли автор достигнуть поставленной цели?

На наш взгляд — вполне, что становится ясным со всей очевидностью при обращении к основной части исследования. Приступая к рассмотрению вопросов, связанных с битвой, автор по старой доброй традиции сперва проанализировал политическую обстановку, сложившуюся к исходу лета 1514 г., и оценил военные потенциалы Великого княжества Литовского и Русского государства. Отметим, что уже на этом этапе А.Н. Лобин подверг обоснованной критике бытующее с давних пор с легкой руки русских дипломатов и иностранных наблюдателей мнение о «тьмочисленности» московских ратей (С. 31—34 и далее). При этом исследователь подчеркнул, что при всей схожести военных институтов двух государств Москва обладала более отлаженными механизмами мобилизации воинских контингентов, отточенным мастерством в деле управления крупными войсковыми соединениями, действовавшими на разных стратегических направлениях подчас одновременно, а также более основательно готовилась к предстоящим боевым действиям во всех

отношениях (С. 36—38). Нетрудно заметить, что связано это было не в последнюю очередь с особенностями политического устройства Русского государства, теми самыми, о которых столь негативно отзывался С. Герберштейн: «Властью, которую он (Василий III. — В.П.) имеет над своими подданными, он далеко превосходит всех монархов целого мира... Всех одинаково гнетет он [жестоким] рабством, так что если он прикажет кому-нибудь быть при дворе его или идти на войну или править какое-либо посольство, тот вынужден исполнять все это за свой счет...»⁴. К началу XVI в. московским государям удалось создать более жесткую и управляемую «вертикаль власти». В итоге, как показывает автор на примере кампаний 1512 и 1513 гг., «московит» раз за разом упреждал своего литовского визави в стратегическом развертывании и безраздельно владел стратегической инициативой, нанося удары там, где хочет, и когда захочет. Контрмеры Сигизмунда I безнадежно запаздывали и ему оставалось, как показывает исследователь, одерживать «победы» над «московитом» только на страницах писем (см., напр., С. 62).

Итог всех этих действий с обеих сторон был в конце концов предсказуем. Третий поход Василия III на Смоленск, предпринятый весной 1514 г., увенчался успехом. Город, взятый измором, капитулировал в конце июля 1514 г. Со взятием Смоленска и его переходом под высокую государеву руку первый этап кампании 1514 г. завершился, «днепровский рубеж» был взят. Русские отряды — «загоны» перешли Днепр и частым гребнем двинулись к друцким полям, занимаясь привычным в условиях средневековой войны делом — разорением территории противника» (С. 81). Это замечание А.Н. Лобина представляется весьма ценным, поскольку позволяет сделать определенные выводы относительно намерений русского командования на завершающую стадию успешно начатой кампании. С точки зрения Василия III неприятель, по опыту предыдущих кампаний, ничего не сможет противопоставить русским и

можно «закругляться», ибо главная цель всей войны — взятие Смоленска — была достигнута. Теперь можно было отправляться на зимние квартиры, «распустив войну» во владениях Сигизмунда и дав напоследок, под занавес, возможность небогатым, но жадным до добычи московским детям боярским разжиться литовскими «животишками», вознаградив себя за лишения и тяготы похода. Это, в свою очередь, по определению не предполагало «большой», «правильной» войны.

Итак, исследователь обозначил цели московского командования на завершающем этапе кампании: опустошение неприятельских владений и удержание «днепровского рубежа» (С. 81—82). Затем он снова возвращается к «больному» вопросу, с недавнего прошлого вызывающего ожесточенные дискуссии, — какими силами обладали московские воеводы в первых числах сентября 1514 г. А.Н. Лобин отмечает, что «при отсутствии документальных свидетельств и крайней скудности источниковой базы исследователи часто «вынуждены» обращаться исключительно к нарративным свидетельствам». Последние же, по справедливому замечанию автора, «в большинстве случаев грешат завышенными показателями» (С. 83). Подвергнув обоснованному сомнению бытующие в литературе оценки численности московской рати в 80 тыс. чел., происходящие из послания Сигизмунда I венецианской сеньории, далее А.Н. Лобин подробно разбирает этот вопрос и приходит к выводу, что русские воеводы, стоявшие на «днепровском рубеже» в первых числах сентября 1514 г., могли по очень оптимистичным оценкам располагать самое большее примерно 16 тыс. конных, а в реальности не более 11—12 тыс. (С. 103—104). Не менее важным, чем этот вывод, представляется нам и сама методика подсчета численности московской рати, которую продемонстрировал автор в этом разделе своего исследования.

Точно также, скрупулезно и тщательно проанализировав все доступные материалы, исследователь определяет величину соединенного польско-

литовского войска. По его расчетам, оно насчитывало примерно 12—13 тыс. чел. (С. 133). Следовательно, выходит, что никакого огромного численного преимущества русских над поляками и литовцами на поле битвы не было и быть не могло в принципе. Вместе с тем, как справедливо отметил А.Н. Лобин, даже при таком соотношении сил сражение под Оршей все равно для своего времени было крупномасштабным (С. 134). С этим тезисом трудно не согласиться.

Рассмотрев численность сошедшихся 8 сентября в жестокой схватке армий и особенности их тактики, исследователь перешел к анализу самого сражения. На наш взгляд, касаясь этого аспекта, стоило бы еще раз подчеркнуть, что на поле битвы встретились два разных по составу войска — русское конное и польско-литовское, состоявшее из трех родов оружия, взаимно усиливавших и поддерживавших друг друга. Полагаем, что именно это различие стало главной причиной поражения первого и победы второго. Отметим, что работу иллюстрируют пошаговые оригинальные схемы, наглядно демонстрирующие действия отдельных частей обеих армий на разных этапах битвы. Это позволяет лучше представить, как развивались события. Тщательный анализ источников позволил А.Н. Лобину реконструировать примерную диспозицию войск с обеих сторон перед самой битвой, попутно подвергнув критике ряд устоявшихся заблуждений относительно расположения войск (С. 150, 151).

Исследователь подробно изложил ход сражения, которое было чрезвычайно ожесточенным и кровопролитным. Русская конница не отдала победу неприятелю легко, заставив заплатить за нее дорогой ценой. Ряд тезисов, на наш взгляд, заслуживают особого внимания. Прежде всего, это оценка сражения и его места в истории войны 1512—1522 гг. В определенных кругах, преимущественно околоисторических, в той же Белоруссии, сохраняется тенденция считать это событие судьбоносным, чуть ли не аналогом битвы на Католаунских полях, остановившей нашествие новых гуннов на Европу (С.

208). Между тем, при непредвзятом взгляде на результаты баталии, нетрудно заметить, что, как справедливо подметил автор «Битвы под Оршей», победа эта для Великого княжества Литовского имела сугубо тактическое значение (С. 209), всего лишь позволив сгладить горечь от утраты Смоленска. «Оршанская битва не переломила ход кампании, — пишет А.Н. Лобин, — не вырвала инициативу из рук Москвы, к тому же русские не лишились своего военного потенциала» (С. 211). В результате война была проиграна Вильно и этот итог вынужденно констатировал даже настроенный благожелательно к Литве С. Герберштейн. Безусловно, Сигизмунд I и его дипломаты, вкупе с хронистами и прочими «инженерами человеческих душ», сумели одержать верх в «войне перьев», выставив одержанную победу в лучшем, чем она была на самом деле, свете, причём отзвуки этой пропагандистской кампании ощущаются по сей день. Однако это никак не могло компенсировать осознание литовской правящей элитой того факта, что ключевой пункт в оборонительном рубеже на восточной границе Великого княжества, Смоленск, был утерян. Боевые действия показали также, как отметил автор работы, низкую боеспособность литовского посполитого рушения — в конечном итоге главную роль в победе сигизмундова войска сыграли никак не литовские поданные короля и великого князя, но поляки и наемники (С. 210).

Завершая наш краткий отзыв, отметим, что книга бы ещё более выиграла, будь к ней приложен терминологический словарь и хронологическая таблица. Но в целом работа, безусловно, удалась и стала заметным явлением в отечественной военно-исторической литературе последних лет. Остается пожелать ее автору продолжать свои научные изыскания в этом направлении с тем же упорством и настойчивостью.

---

¹ Кашпровский Е.И. Борьба Василия III Ивановича с Сигизмундом I Казимировичем из-за обладания Смоленском (1507—1522) // Сборник историко-филологического общества при институте князя Безбородко в Нежине. — Нежин, 1899. — Т. II.

² Волков В.А. Войны и войска Московского государства. — М., 2004; Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени. — М., 1972; Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. — М., 2010.

³ См.: Филюшкин А.И. Изобретая первую войну России и Европы. Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. — СПб., 2013. — С. 292, 497—498 и др.

⁴ Герберштейн С. Записки о Московии. — М., 2008. — Т. I. — С. 89.